

можем рассматривать новые перспективы возникновения международного порядка, основанного на справедливости, мире, международной законности и правах человека, а также на фундаменте демократии и развития, порядка, который будет полностью строиться на положениях Устава и в котором будет учитываться растущая универсализация Организации и возникновение новых мировых социальных задач и последние социально-стратегические перемены.

И наконец, мы убеждены в том, что если Организация Объединенных Наций направит свои усилия в этом направлении, то она в конце концов достигнет тех идеалов, ради которых она создавалась.

Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас Ассамблея заслушает заявление министра иностранных дел Перу Его Превосходительства г-на Фернандо де Трасеньи Гранда.

Г-н де Трасеньи Гранда (Перу) (*говорит по-испански*): Г-н Председатель, прежде всего я хотел бы присоединиться к выступавшим передо мной ораторам и поздравить Вас в связи с избранием на этот высокий пост на последней сессии Генеральной Ассамблеи в XX веке. Перу с удовлетворением отмечает, что представитель Финляндии, которая, как общеизвестно, полностью привержена целям этой Организации, руководит работой пятьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи.

Я убежден в том, что под Вашим руководством мы достигнем целей, которые необходимы для того, чтобы приступить к началу реализации видения, сформулированного нашими главами государств и правительства на недавно завершившемся Саммите тысячелетия.

Я также хотел бы приветствовать и поздравить Тувалу в связи с ее вступлением в члены Организации Объединенных Наций. Не вызывает сомнений тот факт, что эта страна внесет важный вклад в различные сферы деятельности Организации.

Саммит тысячелетия продемонстрировал наличие сложнейших задач, возникающих в будущем, и настоятельную необходимость создания нового мирового порядка, который предоставит будущим поколениям возможность жить в мире,

избавленном от войны, нищеты, несправедливости и деградации окружающей среды, в мире, основанном на свободе участия каждой великой культуры, составляющей часть человечества без дискриминаций или предрассудков.

В период, когда 31 декабря завершится не только столетие, но и тысячелетие, исключительно важно остановиться и задуматься над будущим международных отношений. Разумеется, Перу не является ведущей страной с точки зрения определения направления развития мировых отношений. Тем не менее, как представляется, одной из характеристик, которые отличают конец XX века и которая, конечно, будет проявляться в XXI веке, является ведущая роль всех стран мира — малых или больших — в процессе формирования международного порядка. А в этом смысле перспективы такой страны, как Перу, полностью разделяющей ценности западной цивилизации и в то же время обладающей своими собственными характеристиками, которые сохранились с древнейших времен, возможно, будут представлять интерес в том, что касается эффективного эксперимента по подходу к рассмотрению вопросов с другой точки зрения.

Перу решительно считает, что мировой порядок, который должен определять поведение различных международных участников в эпоху, начинающуюся 1 января, необходимо строить на важнейших положениях Устава. И вопреки утверждениям некоторых, которые, на наш взгляд, ошибаются, мы считаем, что они не только не утратили своей актуальности, но и обретают еще большую важность для мирного сосуществования, коллективной безопасности и реальной возможности для развития всех конкретных составляющих абстрактного понятия, которое мы называем человечеством.

В частности, я хотел бы подчеркнуть положения, касающиеся государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств и правовое равенство государств. Эти основополагающие принципы, которые были включены в принятый в Сан-Франциско Устав, позволяют разработать эффективные механизмы самоконтроля и стабилизации международной системы.

Именно поэтому нам необходимо подтвердить нашу приверженность этим нормам международного публичного права, восстановив присущую им функциональность. Только таким образом мы сможем добиться того, чтобы сформировавшиеся в современном обществе демократические ценности применялись и реализовывались в международной системе, нарождающиеся характеристики которой, как представляется, ведут к новым формам отчуждения.

Сегодня мир совсем не тот, каким он был 50 лет назад. Преобразования и глобализация постоянно и все более быстрыми темпами изменяют окружающую нас действительность и пытаются привить нам новое чувство общности, навязать новую мораль и новую политическую этику, которая догматически и тенденциозно определяет, что правильно, а что нет.

Поэтому всемерное соблюдение международного правового порядка приобретает огромное значение, поскольку это единственный элемент, который может указать нам общий путь, ограничив рамки произвольного и субъективного подхода. Это также лучший способ и наиболее эффективный механизм для максимальной защиты прав и свободы человека, являющихся, безусловно, требованиями, от выполнения которых не может уклониться ни один из членов международного сообщества.

Но эта новая реальность требует от нас также принять обязательство в отношении соблюдения принципа совместной ответственности. Глубокая взаимозависимость, порожденная процессом глобализации, предполагает также проявление коллективной решимости всех членов Организации Объединенных Наций, с тем чтобы они объединили свои усилия и ресурсы в интересах решения проблем, которые оказывают систематическое воздействие или воздействие международного характера. Я в особенности имею в виду обеспечение прочного экономического роста развивающихся стран; ликвидацию нищеты; устранение реальной опасности, угрожающей миру в международных масштабах; решение проблем общественного здравоохранения и эндемических заболеваний, которые тесным образом связаны с нищетой; обеспечение достаточного уровня финансирования в целях развития; сокращение «цифровой пропасти»; миграцию и свободное

перемещение рабочей силы; защиту окружающей среды и ее сохранение; мировую проблему наркотиков, не говоря уже об исключительно военной перспективе; борьбу с терроризмом и различными формами международной преступности, включая отмывание денег, незаконную торговлю оружием и международную торговлю людьми.

Для Перу исключительно важно, чтобы каждая из этих общих проблем решалась в рамках Организации Объединенных Наций таким образом, чтобы мы могли находить общие, согласованные и всеобъемлющие ответы на эти проблемы. Мы должны быть в состоянии находить действенные решения, опирающиеся на достаточную политическую и финансовую поддержку. В этой связи позвольте мне выразить наше особое удовлетворение в связи с обязательствами, которые приняли на себя главы государств и правительств в отношении того, чтобы в ближайшие несколько лет сосредоточить внимание международного сообщества на проблеме сокращения масштабов нищеты, с тем чтобы к 2015 году почти 600 миллионов человек могли бы выйти из состояния хронической нищеты.

Точно также я хотел бы особо отметить творческое и конструктивное предложение, с которым выступил президент Перу г-н Альберто Фухимори на Саммите тысячелетия и которое состоит в том, чтобы использовать суммы, приобретенные незаконным образом наркоторговцами, для облегчения внешней задолженности беднейших стран и в целом направлять эти средства на деятельность по поощрению ведения борьбы с нищетой во всем мире.

Безусловно, в следующем столетии нам придется столкнуться с многочисленными и очень сложными вызовами. Это эпоха не только процветания и технологического развития, но и эпоха борьбы с нищетой. Это эпоха не только глобализации, но и эпоха признания с чувством глубокого уважения культурного многообразия, которое является столь же или даже более важным, чем биологическое разнообразие. Это эпоха не только широчайшего использования природных ресурсов человеком, но и эпоха сохранения окружающей среды. Это эпоха не только распространения демократии во всем мире, но и

эпоха демократического уважения различных моделей развития и осуществления демократии.

Человечество на этом этапе своего развития достигло определенного консенсуса по основным вопросам. Все народы мира разделяют общие ценности и стремятся к общим целям, таким как свобода, демократия, равенство перед законом, уважение прав человека, необходимость искоренения нищеты, развитие творчества и необходимость того, чтобы человек постоянно работал над собой и стремился к совершенству. Таков вклад современной эпохи, вклад последних столетий, которые получили дальнейшее развитие и логическое завершение в двадцатом столетии. Но верно также и то, что человечество, к счастью, состоит не только из одной культуры. Верно также и то, что эти ценности должны найти конкретные формы выражения на основе различного склада ума, на различных широтах, в различные периоды истории каждого народа. Поэтому постсовременная действительность, а именно мир следующего столетия, должен уметь сохранять и углублять ценности, которые ему достанутся в наследство от современности, и развивать поставленные им цели по мере возможности. Но необходимо также при этом признавать и разнообразие; необходимо динамичным образом уметь разрешать дилемму между единством и разнообразием.

Пожалуй наиболее сложным из всех этих вызовов, наиболее трудным из всех *coincidentiae oppositorum*, с которыми нам придется столкнуться в XXI веке, заключается в том, чтобы создать международную систему, основанную на подлинной демократии. Под этим понятием я подразумеваю такую демократию, которая будет состоять не в том, чтобы навязывать ту или иную политическую форму по образу и подобию той или иной конкретной системы, выдвигаемой в качестве образца или модели, а демократию, которая не основана лишь на перечне институтов, определенном с учетом особого демократического опыта и превратившегося в обязательный набор универсальных руководящих принципов. Демократия это практика разнообразия и терпимости. Это признание того, что в отношении каждой темы, в том числе и в отношении идеи самой демократии, могут существовать самые различные толкования, и ни одно из них не должно иметь права запрещать другие. Таким образом,

задача, которая стоит перед нами в следующем столетии, состоит в том, чтобы распространять и поощрять демократию, но в первую очередь еще более глубоко изучать ее собственное значение во избежании противоречий, которые могут привести к ее собственному разрушению.

Как распространять демократию, не ставя под угрозу саму демократию? С другой стороны, как спасти разнообразие и самобытность, не скатываясь на позиции отжившего национализма? Таковы крупнейшие проблемы современности. Таковы великие дилеммы, которые необходимо разрешить в XXI веке.

Любая идея крестового похода, даже во имя демократии, является недемократичной, поскольку она недопустима. И я возьму на себя смелость утверждать, что любой принцип организации общества, который пытается навязать себя в универсальном порядке, имеет под собой недемократическую основу. Таким образом, как ни парадоксально, миссионерский энтузиазм в отношении демократии может закончиться тем, что отрицательно скажется на характере самой демократии.

Демократия, по сути, предполагает установление тонкого и неустойчивого равновесия между понятиями общего и единичного. Единичное не следует приносить в жертву общему. Единичное не должно растворяться в предполагаемом общем, и его тем более не следует смешивать с общим, придавая смысл абсолюта тому, что является ничем иным, как историческим выражением той или иной культуры или той или иной эпохи.

Попытки, направленные на применение на международном уровне внутренних стратегий и местных толкований ценностей, всегда оканчивались неудачей. Во второй половине XX века мы были свидетелями впечатляющего краха советского коммунизма, который претендовал на то, чтобы быть политической доктриной будущего, благодаря которой, следуя словам Гегеля, мы увидим конец политики и, следовательно, истории и войдем в своего рода восстановленный рай на земле. Заявления коммунистов об общности характерных особенностей и различий. Впоследствии им пришлось столкнуться с другими доктринами и мировоззрениями, которые были

чужды его принципам и ценностям; и вопреки тому, что предполагал коммунизм, эти различные перспективы не исчезли, когда они столкнулись с предполагаемой марксистской истиной. Напротив, они одержали победу в идеологической борьбе и привели к краху коммунизма и Советской России. Я убежден в том, что то же самое произойдет с любой другой доктриной, независимо от ее перспективы и ценностей, на которые она опирается, в которой провозглашается цель вести мир в направлении конца истории.

Это вынуждает нас переосмыслить некоторые идеи, которые слишком поспешно — и, с моей точки зрения, непоследовательно — становятся банальностями. Определенное пренебрежение — под предлогом создания универсального общества — проявляется в отношении понятий суверенитета и культурной самобытности народов. Тем не менее я считаю, что даже несмотря на то, что эти идеи придется преобразовывать и приспособлять к новой перспективе глобализации, они и впредь будут преобладать в мире и в будущем, если уж мы ратуем за истинно демократический образ мышления, согласно которому свобода может существовать только в условиях культурного и идеологического разнообразия.

Нет никакого сомнения в том, что налицо кризис понятия национального государства, ибо кажущееся основополагающим отождествление между государством как политическим и юридическим устройством общества и нацией как культурной его организацией является ложным: существуют все же и многонациональные государства. Решение в таких случаях диспаритета между политическим устройством и культурной организацией заключается отнюдь не в отказе от концепции государственности и суверенитета и вовсе не в допущении их поглощения одной из наднациональных, глобализующих структур; скорее оно заключается в том, чтобы добиться в рамках государства признания и комплексной интеграции многообразия культур. Вместо того, чтобы навязывать определенному роду гомогенность, которая всегда будет восприниматься как смирительная рубашка, необходимо пропагандировать разнообразие как на государственном, так и международном уровнях.

Какая бы то ни было одна единственная нация, культура или идеология не способна построить

новый международный порядок; это можно сделать только путем взаимодействия тех различных мировоззрений, которые составляют человечество. С истинно демократической и либеральной точки зрения, нам надлежит избегать соблазна нового догматизма, мифа о «политической корректности» — извращенно коварной» концепции с сильной империалистической склонностью.

В этой связи создание нового международного порядка для XXI века отнюдь не подразумевает решения математического уравнения или научного изобретения какой-то определенной модели для ее неизбирательного применения ко всем странам мира в тщетной попытке создать универсальное международное общество. Реальность сметает все абстрактности богатством своего многообразия мировоззрений. Она постоянно пребывает в состоянии нескончаемых видоизменений — и это благодаря свободе, определяющему элементу человеческой личности.

Поэтому политика, будь то внутренняя или внешняя, является искусством, а не наукой. Внутренний или международный порядок должен становиться результатом сложного взаимодействия различных, и даже противоположных, элементов — точно так же, как любое произведение искусства. Создание того произведения искусства, которое станет новым международным порядком, подразумевает не уничтожение ему противостоящего, а, наоборот, его включение, объединение единства с разнообразием и свободы с порядком. Выражаясь языком Ницше, нам нужно объединить аполлоново с дионисовым. Строить чисто аполлоново общество означает попасть в ловушку новой формы догматизма и культурного диктата, даже несмотря на то, что, как это ни парадоксально, цель заключается в установлении демократии. Строительство же чисто дионисова общества означает скатывание в хаос и, таким образом, уничтожение общественного согласия.

Общество будущего должно обладать способностью уживаться в условиях разнообразия и выражения различных взглядов, мировых представлений о самой демократии и ее толкований — уживаться с целью организовать человечество таким образом, чтобы создать не единообразное и однородное международное общество, а воплощение богатства социального и культурного разнообразия в стремлении к мирному

существованию и взаимному сотрудничеству без обременений и навязывания условий.

Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас я предоставляю слово Его Превосходительству г-ну Тоомасу Хендрику Ильвесу, министру иностранных дел Эстонии.

Г-н Ильвес (Эстония) (*говорит по-английски*): Позвольте мне начать г-н Председатель, с выражения Вам поздравлений по случаю Вашего избрания на пост Председателя Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят пятой сессии. Я желаю Вам всего наилучшего в выполнении Ваших обязанностей. Хотелось бы также поприветствовать Республику Тувалу в качестве нового члена Организации Объединенных Наций.

На прошлой неделе премьер-министр моей страны Март Лаар выступил на Саммите тысячелетия по целому ряду вопросов, которые Эстония считает особенно актуальными для Организации Объединенных Наций в нынешнем году. В своих сегодняшних кратких замечаниях мне хотелось бы особенно выделить четыре из них: во-первых, необходимость реформирования Совета Безопасности; во-вторых, усилия по повышению эффективности миротворчества; в-третьих, необходимость сужения глобального разрыва между богатыми и бедными; и в-четвертых, роль информационных технологий в содействии развитию.

Итак, первое касается усилий по реформированию Совета Безопасности. Вверенная Совету мощная исполнительная власть изначально была задумана для него, с тем чтобы обеспечить средство быстрого принятия решений и их осуществления путем последующих действий. На практике же, однако, Совет все более склонен к нерешительным колебаниям, что, в свою очередь, подрывает его собственный авторитет и за счет этого его эффективность. Эстония считает, что для того, чтобы покончить с таким положением, надлежит пересмотреть процедуры голосования и механизмы, регулирующие работу наиболее могущественного органа Организации Объединенных Наций.

Одной из таких процедур, которая заслуживает нашего внимания, является право вето. Некоторые постоянные члены Совета Безопасности используют право вето или угрожают его

применением в защиту своих собственных внутренних и внешних политических интересов независимо от сути того или иного конкретного вопроса. Ввиду того, что свою легитимность Совет Безопасности получает от всех государств — членов Организации, долг его постоянных членов — использовать свое право вето ответственно.

Другой требующей разрешения проблемой является состав Совета, в котором по-прежнему отражено соотношение сил, характерное для 1945 года. С момента зарождения в том году Организации Объединенных Наций и до совсем недавнего времени — всего десятилетие назад — народу моей страны позволялось лишь мельком взглянуть на происходившие в Организации Объединенных Наций события сквозь прорехи в ткани «железного занавеса». Когда же в 1991 году мы наконец восстановили свою независимость, мы вышли на международную арену и, к сожалению, обнаружили, что Совет Безопасности, судя по его композиционному составу, застрял в 1945 году. Это поражает Эстонию своей анахроничностью, если не упрямым упорством. Состав гарантов и величайших поборников стабильности за истекшие полвека в корне изменился. Не следует бояться развернуть обсуждение вопроса о том, является ли по-прежнему уместной и подходящей для XXI века моральная и юридическая подоплека членского состава Совета Безопасности периода окончания второй мировой войны. Если в корне изменились страны, то так же измениться должна — и может — Организация Объединенных Наций.

Мое второе замечание касается поддержания мира. Ранее в текущем году мое правительство приняло решение отказаться от предоставлявшейся нам скидки, означавшей оплату лишь 20 процентов начислявшихся нам взносов на операции по поддержанию мира. Вместо этого мы добровольно и в одностороннем порядке предпочли выплачивать все 100 процентов того, что от нас ожидается. Эстония сделала это ввиду того, что считает поддержание мира одним из главных назначений Организации Объединенных Наций во исполнение ее исторической задачи поддерживать коллективную безопасность. Безопасность нельзя обрести по сниженным ценам. Именно поэтому Эстония готова заплатить больше за то, что, мы надеемся, будет продуктом лучшего качества.